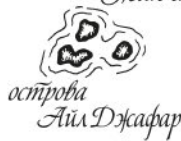

океан
Арийт

остров
Тремалкин

остров
Кайим

Мертвое
Море

океан
Арийт

Бандар
Эбан

Фалле

Манчико

ТАРАБОН

Элмор

Берег Тени

Лалец
Замерзшего
под Ветром

остров
Куйим

Эбу Дар

ПРОЛОГ

Угли на сухую траву

Солнце еще только начало взбираться по небосклону, и от Галада и трех его вооруженных спутников протянулись вперед длинные утренние тени. Деревья вокруг стояли густо — дубы и болотные мирты, сосны и сургамы-кислокамедники, и на большинстве виднелась рыжеватая весенняя поросль. Всадники рысью двигались по проходившей прямо через лес дороге, и Галад старался выбросить из головы все ненужное, успокоить разум, но постоянно мешала какая-то мелочь. В царящей под лесным пологом тишине раздавался лишь приглушенный стук копыт. На ветвях не чирикали птицы, не пересвистывались белки. Слишком тихо для этого времени — лес будто бы затаил дыхание и замер. Некогда, задолго до возникновения Амадиции и Тарабона, тут пролегал оживленный торговый тракт, и из-под желтоватой глины, наезженной и утопанной до твердой корки, кое-где проглядывали остатки древних камней, которыми он был вымощен давным-давно. Вокруг, не считая всадников, не было видно ни единой живой души — только очень далеко впереди одинокую фермерскую телегу медленно тащил куда-то вол. Пути торговых караванов сместились намного севернее, деревни и фермы обезлюдели, а мифические заброшенные копи Айлгара так и оставались позабыты среди горных кряжей, нагромождения которых начинались всего в нескольких милях южнее. В той же стороне небосвода сбивались в кучу, предвещая ненастье, темнеющие облака; если они продолжают свое неспешное наступление по небу, то во второй

половине дня прольется дождь. Над кромкой деревьев, вокруг прогалов у лесной опушки, выписывал петли краснокрылый ястреб. Он тоже охотится, как и сам Галад. Но действовать Галаду в своей охоте придется в душе, а не на лесной опушке.

Показалась большая усадьба с домом, которую шончан пожаловали Эамону Валде, и Галад подобрал поводья, жалея, что на голове нет шлема: тогда, чтобы потянуть время, можно было бы поправить ремень под подбородком. Пришлось ограничиться тем, что он растегнул и передвинул пряжку перевязи с мечом, сделав вид, будто оружие висит не так, как следует. Облачаться в доспехи смысла не имело. Если утро пойдет так, как Галад надеется, то кирасу и кольчугу все равно пришлось бы снимать, а если дела обернутся совсем худо, то доспехи защитят его не лучше, чем белый плащ.

Расположенный в отдалении от столицы дворец в прошлом служил королю Амадиции охотничьим домиком. Большое деревянное здание под синей крышей, с балкончиками, выкрашенными в алый цвет, и деревянными шпильями по углам, покоилось на каменном фундаменте и походило на невысокий холм с крутыми склонами. Надворные постройки, конюшни и амбары, мастерские и маленькие домики для слуг и ремесленников занимали всю просторную поляну вокруг главного здания, но, раскрашенные в синий и красный цвета, почти не уступали ему по внешнему великолепию. Среди построек виднелись фигурки мужчин и женщин — крошечные на таком расстоянии; там же под присмотром старших играли дети. Картина обыденной жизни, в которой не осталось ничего обыденного. Спутники Галада поглядывали на него без всякого выражения, сидя в седлах в начищенных шлемах и кирасах. Нетерпеливо переступали копытами лошади — недолгая поездка от лагеря нисколько не утомила отдохнувших за ночь и поутру полных сил животных.

— Будет вполне понятно, если вы передумаете, Дамодред, — нарушил молчание Тром. — Обвинение суровое, горькое, точно полынь, но...

— Я — не передумую, — прервал его Галад. В своих намерениях он утвердился еще вчера и отступить не собирался. Но все же был благодарен Тром — он дал Галаду возможность заговорить о том, что волновало юношу. Когда Галад выезжал из лагеря, Тром с двумя спутниками просто появился рядом с ним — не проронив ни слова, они отправились вместе с Галадом. Тогда казалось, что слова не нужны. — А как насчет вас троих? Со мной вы многим рискуете. Незачем вам идти на такой риск. Как бы ни кончился день, вам все это припомнят. Дело касается только меня, и я разрешаю вам отпра-

виться своей дорогой. — Сказано слишком холодно, но сегодня утром Галад был не в состоянии подбирать верные слова или давать волю чувствам.

Коренастый воин покачал головой:

— Закон есть закон. И вдобавок я воспользуюсь преимуществами своего нового звания.

На груди Трома, на левой стороне его белого плаща, ниже эмблемы многолучевого солнца, красовались три золотых узла-банта, по форме похожие на звезды, — капитанский знак различия. В сражении при Джерамеле погибли очень многие, и по меньшей мере три лорд-капитана. Тогда Чада Света сражались против шончан, а не на их стороне.

— Служа Свету, я совершил немало темных дел, — сумрачно произнес Байар. На его костлявом лице сверкали глубоко посаженные глаза — сверкали так, будто оскорбление нанесли ему лично. — Дел чернее глухой безлунной ночи. И наверное, еще совершать придется, но есть настолько черные дела, что с ними невозможно примириться. — У него был такой вид, словно он вот-вот сплюнет от отвращения.

— Верно, — пробормотал юный Борнхальд, проведя рукой в боевой перчатке по губам. Галад всегда видел в нем «юношу», хотя тот был всего несколькими годами моложе его. Глаза Дэйна были налиты кровью — прошлую ночь он опять выпил слишком много бренди. — Если сделал что-то неправильное, даже на службе Свету, значит, чтобы это уравновесить, нужно сделать что-то правильное.

Байар что-то мрачно буркнул. Наверное, он имел в виду совсем не то, о чем сказал Борнхальд.

— Очень хорошо, — сказал Галад, — но если кто-то решит повернуть назад, винить его не в чем. Дело здесь касается лишь меня одного.

Галад ударом каблуков послал гнедого мерина в легкий галоп, и на душе у него потеплело, когда он услышал быстрый стук копыт лошадей своих спутников. Нагнав его, они поехали рядом, и белые плащи вздувались от ветра. Конечно, он должен был отправиться сюда один, однако если рядом будут эти трое, то, возможно, их присутствие не позволит тут же взять его под арест и повесить без лишних церемоний. Нельзя сказать, что Галад вообще рассчитывал остаться в живых. Но если что-то нужно сделать, то это должно быть сделано, и не важно, какой ценой.

Лошадиные копыта громко загремели по выложенному камнем пандусу, который вел к усадьбе, поэтому на появившуюся из леса четверку всадников обратили взоры все, кто находился на просторном

центральном дворе. Здесь было полсотни Чад Света в сверкающих кольчужно-пластинчатых доспехах и конических шлемах, большинство из них — верхом. Услужливые конюхи-амадицийцы в темной одежде держали под уздцы лошадей для тех из Детей, кто еще не сидел в седле. Внутренние балконы пустовали, если не считать нескольких слуг — они делали вид, что подметают их, но сами то и дело окидывали двор заинтригованными взглядами. В стороне от прочих стоял Радам Асунава, окруженный, точно телохранителями, шестеркой рослых Вопросающих; украшавшая их плащи эмблема многолучевого солнца была наложена на багряного цвета значок в виде крючковатого пастырского посоха. Десница Света всегда держалась наособицу от остальных Детей Света, и подобную манеру те считали совершенно правильной. Из всех находившихся во дворе Чад один лишь седовласый Асунава был без доспехов. Лицо главы Вопросающих выражало такую вселенскую скорбь, что рядом с ним Байар показался бы розовощекимым бодрячком, а на его ослепительно-белом плаще красовался только ярко-красный пастырский посох — этим он также отличался от прочих Детей Света. Но Галад лишь скользнул по Вопросающим взглядом — его внимание во внутреннем дворе приковывал к себе только один-единственный человек. Может, Асунава и сыграл какую-то роль — его причастность оставалась неясной, — однако призвать к ответу верховного инквизитора способен только лорд капитан-командор.

Эамон Валда не мог похвастаться высоким ростом, но со смуглого сурового лица не сходило властное выражение — повиновения от остальных он ожидал как должное. И повиновение — это самое меньшее из должного. Он стоял, широко расставив ноги в сапогах и горделиво вскинув голову, излучая вокруг себя властность и надменность, поверх его раззолоченной полной кирасы лежала бело-золотая накидка лорда капитан-командора — шелковая и расшитая куда богаче, чем любая из тех, что когда-то носил на своих плечах Пейдрон Найол. Шелковым же был и белый плащ Валды, на каждой стороне груди золоченой канителью вышиты эмблемы многолучевого солнца, и шелковой была его шитая золотом белая куртка. Под мышкой Валда держал шлем — вызолоченный и украшенный спереди лучистым солнечным диском, а на его левой руке, поверх кованой стальной перчатки, красовался массивный золотой перстень, на крупном желтом сапфире которого было вырезано многолучевое солнце. Еще один знак благоволения, проявленного со стороны шончан.

Валда чуть нахмурился, когда Галад и его спутники спешили перед ним и отсалютовали, приложив согнутую правую руку к груди. Подбежавшие подобострастные конюхи приняли поводья.

— Тром, почему ты до сих пор не отправился в Насад? — В словах Валды звучало неодобрение. — Остальные лорд-капитаны сейчас уже на полпути туда.

Сам Валда на встречи с шончан всегда прибывал позже всех, вероятно, чтобы тем самым показать, что в Чадах Света сохранилась толика независимости, хотя от прочих высших офицеров он требовал неукоснительной явки в оговоренное время, пусть даже для этого в путь отправляться приходилось до рассвета. Поэтому удивительно было видеть его уже готовым к отъезду, — должно быть, предстоящая встреча была очень важной.

По-видимому, сейчас Валда полагал за лучшее не подвергать испытанию терпение новых господ. Шончан и так не слишком-то скрывали своего недоверчивого отношения к Детям Света.

Тром не выказал ни малейшей неуверенности, чего вряд ли можно было ожидать от человека, носящего свое нынешнее звание от силы месяц.

— Неотложное дело, милорд капитан-командор, — вежливо произнес он, отвечивая точно выверенный поклон — ни на волосок не ниже, но и не выше, чем того требовал этикет. — Один из Чад Света, находящийся под моим командованием, выдвигает против другого Чада обвинение в том, что тот оскорбил его родственницу и жестоко обращался с нею, и заявляет о своем праве на Суд Света. Согласно закону, вы должны удовлетворить его просьбу о поединке или отвергнуть ее.

Прежде чем Валда успел заговорить, раздался голос Асунавы.

— Странная просьба, сын мой, — заметил он, недоуменно склонив голову набок и глядя поверх сложенных домиком рук. Даже голос верховного инквизитора звучал печально, — казалось, неведение Трома доставляет ему настоящую боль. Глаза Асунавы полыхали, точно уголья на раскаленной жаровне. — Обычно сам обвиняемый просил мечом рассудить дело, и, убежден, обычно это случалось тогда, когда он понимал, что весомость и убедительность доказательств определенно свидетельствуют о его виновности. Во всяком случае, к Суду Света не прибегали вот уже почти четыреста лет. Назовите мне имя того, кого обвиняют, и я улажу дело без лишнего шума. — От тона Асунавы повеяло холодом, как из бессолнечной пещеры морозной зимой, но в темных глазах по-прежнему полыхал огонь. —

Тут мы среди чужеземцев, и нельзя, чтобы они узнали, будто кто-то из Чада способен совершить столь низкий поступок.

— С просьбой обратились ко мне, Асунава! — резко, будто укусил, произнес Валда.

Его взор чуть ли не обжигал неприкрытой ненавистью. Скорее всего, ему просто пришлось не по вкусу, что в разговор вклинился верховный инквизитор. Отбросив полу плаща за спину, он положил ладонь на длинную рукоять своего меча, дужки эфеса которого оканчивались кольцами, и выпрямился во весь рост. Склонный к картинным позам и жестам, Валда возвысил голос, так что, наверное, даже находившиеся внутри дома его услышали, и заговорил — скорее, принялся произносить речь:

— Думаю, многие из прежних наших обычаев стоит возродить, и упомянутый закон действует по-прежнему. И всегда будет исполняться, как то записано в древности. Свет дарует право на справедливость, потому что сам Свет есть справедливость. Известите своего подчиненного, Тром, что он вправе выдвинуть обвинение и встретиться с тем, кого обвиняет, с мечом в руках. Если же тот вознамерится отказаться от поединка, то я заявляю, что тем самым он признает свою вину и будет по моему приказу повешен на месте, а его имущество и звание, как гласит закон, перейдут обвинителю. Мною сказано все. — При этих словах он метнул еще один злобный взгляд на верховного инквизитора. Наверное, их действительно снедала взаимная ненависть.

Тром вновь отвесил церемонный поклон:

— Милорд капитан-командор, вы уже сами обо всем его известили. Что скажете, Дамодред?

Галад ощутил охвативший его холод. Испытывал он вовсе не страх, а чувство какой-то пустоты. Когда в пьяной болтовне Дэйн обмолвился о дошедших до его ушей неких смутных слухах, а Байар неохотно подтвердил, что это вовсе не слухи, Галада затопила ярость — испепеляющее до глубины души пламя, которое довело его едва ли не до безумия. Ему казалось, что у него вот-вот лопнет голова, если раньше не разорвется сердце. Теперь же он был холоден как лед, не ведая никаких чувств. Галад тоже поклонился, не менее церемонно, чем Тром. Многие, что нужно сказать, определяет закон, однако остальные слова он подбирал очень тщательно, стараясь как мог, чтобы тень позора не коснулась столь дорогой для него памяти.

— Эамон Валда, Чадо Света, я призываю тебя на Суд Света за недопустимое оскорбление особы Моргейз Траканд, королевы Андора, и за ее убийство.

Смерть женщины, к которой Галад относился как к матери, подтвердить не мог никто, но Галад был убежден, что она мертва. Добрый десяток очевидцев с уверенностью утверждал, что из Цитадели Света она исчезла до того, как крепость пала перед шончанской армией, и не меньше людей свидетельствовало о том, что сама Моргейз не могла ее покинуть, ведь она находилась там не по своей воле, а как пленница.

Валда ничем не выдал, что потрясен или удивлен выдвинутыми против него обвинениями. Судя по появившейся на лице капитанкомандора улыбке, Галад дорого поплатится за свои безрассудные слова, однако легкий изгиб губ говорил также и о презрении, какое он испытывал к своему обвинителю. Но не успел Валда раскрыть рот, как вновь вмешался Асунава.

— Что за глупости! — произнес он тоном скорее печальным, чем сердитым. — Уведите дурака, и мы выясним, какое отношение он имеет к заговору, каковой злоумышляют приспешники Темного, дабы опорочить Детей Света.

Повинуясь его жесту, двое Вопрошающих шагнули к Галаду: один — с не сулящей ничего доброго злой ухмылкой, лицо второго не выражало ничего — точь-в-точь ремесленник за обыденной работой.

Но сделали они лишь один шаг. По всему двору раздавались тихие звуки — с таким скрипом и шорохом мечи выходят из ножен. Хотя большинство Чад Света только ослабили клинки в ножнах, не меньше десятка из них обнажили оружие полностью — и теперь держали мечи в опущенных руках, острием вниз. Конюхи-амадицийцы сторбились, съежились, испуганно сбившись в кучки и изо всех сил стараясь, чтобы их было не видно и не слышно. Нет сомнений, они бросились бы врассыпную, достань у них смелости. Густые брови Асунавы поползли на лоб, он, явно не веря своим глазам, обводил всех ошеломленным взглядом. Узловатые пальцы сжались в кулаки, впившись в ткань белого плаща. Как ни странно, казалось, на миг даже Валда изумился. Вряд ли он мог ожидать, что после произнесенной им во всеуслышание речи Чада позволят арестовать обвинителя. Но так или иначе, от потрясения Валда оправился быстро.

— Вот видишь, Асунава, — произнес он чуть ли не обрадованно, — Дети Света подчиняются моим приказам и закону, а не прихотям Вопрошающих. — Руку со шлемом он протянул вбок и назад, чтобы кто-то забрал его. — Я отвергаю твои абсурдные обвинения, юный Галад, и твою мерзкую ложь вобью тебе в глотку. Ибо это — грязная ложь или в лучшем случае слова, вызванные помутнением

разума. Ибо только безумец может поверить в злобные слухи, распущенные приспешниками Темного или кем-то еще, кто желает дурного Чадам Света. В любом случае ты оклеветал меня самым низким и подлым образом, поэтому я принимаю твой вызов на Суд Света. В поединке я и убью тебя.

Последнее едва ли соответствовало ритуалу, но Валда отверг обвинение и принял вызов — этого совершенно достаточно.

Сообразив, что так и стоит со шлемом в вытянутой руке, Валда вперил хмурый взгляд искоса на одного из спешившихся Чад, тощего салдэйца по имени Кашгар, пока тот не сделал шаг вперед и не забрал у командира шлем. Кашгар был всего-навсего подлейтенантом и походил на мальчишку, несмотря на крупный крючковатый нос и густые, похожие на перевернутые рога усы, однако в движениях его ясно читалось нежелание, и голос Валды стал куда зловейшей и язвительней, когда, расстегнув перевязь с мечом и протянув ее вслед шлему, капитан-командор произнес:

— Поосторожней с этим, Кашгар. Это клинок, отмеченный клеймом цапли. — Расстегнув фибулу, он уронил свой шелковый плащ на мощный камень, туда же последовала накидка-табар. Руки Валды двинулись к застежкам доспехов. По-видимому, ему не хотелось проверять, вдруг у кого-то еще нет желания помочь ему. Лицо Валды оставалось спокойным, разве что горевший яростью взгляд обещал покарать не одного лишь Галада. — Как я понимаю, Дамодред, твоей сестре захотелось стать Айз Седай. Пожалуй, мне совершенно ясно, с чего все началось. Было время, когда я с сожалением отнесся бы к твоей гибели, но не сегодня. Наверное, стоит отослать твою голову в Белую Башню, чтобы ведьмы полюбовались на плоды своих козней.

Дэйн, чье обеспокоенное лицо прорезали морщины, взял у Галада плащ и перевязь с мечом и стоял, переминаясь с ноги на ногу, как будто не был уверен, что поступает правильно. Что ж, у него был шанс отказаться, а теперь уже поздно менять решение. Байар положил ладонь в боевой перчатке на плечо Галаду и наклонился к юноше.

— Он любит наносить удары по рукам и ногам, — произнес он негромко, искоса поглядывая на Валду. Судя по его взору, между Валдой и им явно пробежала черная кошка. Разумеется, сейчас выражение лица Байара немного отличалось от обычного. — Ему нравится, когда противник истекает кровью, пока не обессилеет настолько, что не сможет ни сделать шаг, ни поднять меч. Вот тогда сам он и нанесет последний удар. Вдобавок он быстрее гадюки, но куда чаще станет разить тебя слева, и того же он ждет от тебя.

Галад кивнул. Многие правши сочтут для себя такой способ ведения боя более простым, но эта манера — странная слабость для мастера клинка. Гарет Брин и Генри Хаслин во время тренировок учили Галада вести бой по-разному, в зависимости от того, какая рука лежит на эфесе меча впереди, так что на эту уловку он не попадет. Необычно к тому же, что Валда стремится затягивать бой. Самого Галада наставляли, что схватку следует завершать как можно быстрее и без ненужных выкрутасов.

— Благодарю, — сказал он, и на лице с запавшими щеками появилась мрачная гримаса.

При всем желании Байара нельзя было назвать приятным человеком, да и сам он как будто не питал никаких теплых чувств ни к кому, за единственным исключением: он выказывал расположение одному лишь юному Борнхальду. Из троих, кто отправился с Галадом, присутствие Байара оказалось самым большим сюрпризом, но он был тут, и это говорило в его пользу.

Валда, который в расшитой золотом белой куртке стоял, подбоченившись, в центре двора, повернулся на месте, окинув собравшихся вокруг людей суровым взглядом.

— Всем отойти к стенам! — громко скомандовал он. Чада Света и конюхи исполнили приказание, и лошадиные подковы звонко процокали по мощным камням. Асунава и его Вопросающие подобрали поводья своих лошадей, причем лицо верховного инквизитора пылало холодной яростью. — Держитесь подальше от середины. Мы с юным Дамодредом сразимся тут...

— Простите, милорд капитан-командор, — с легким поклоном промолвил Тром, — но поскольку вы участник судебного поединка, то не можете быть арбитром. Не считая верховного инквизитора, который по закону не может принимать участия в Суде, после вас наивысший ранг здесь имею я. Так что, думаю, вы не станете возражать?..

Валда метнул на Трома злобный взгляд, потом отошел к Кашгару и встал рядом, скрестив руки на груди. С нарочитым раздражением он принялся притопывать ногой в нетерпеливом ожидании начала Суда.

Галад вздохнул. Если схватка обернется против него, что, кажется, случится почти наверняка, у его друга появится враг — самый могущественный человек среди Чад Света. По-видимому, у Трома он появился бы в любом случае, но теперь почти наверняка.

— Приглядывай за ними, — сказал Галад Борнхальду, кивком указывая на верховых Вопросающих, сбившихся в кучку у ворот.

Асунавские подручники по-прежнему окружали его кольцом, будто телохранители, причем у всех ладони как бы невзначай опустились на рукояти мечей.

— Зачем? Даже Асунава теперь не сможет вмешаться. Это было бы против закона.

Галад едва сдержал новый вздох. Юный Дэйн пробыл в рядах Детей Света намного дольше его, а его отец служил ордену всю жизнь, но, кажется, молодой человек знает о Чадах Света куда меньше, чем узнал о них сам Галад. Для Вопрошающих законом будет то, что они назовут законом.

— Просто не спускай с них глаз, — сказал Галад.

Тром встал в центре двора и поднял над головой обнаженный меч, держа клинок параллельно земле. В отличие от Валды он произнес слова, какие и было предписано:

— Мы собрались здесь под Светом, дабы стать свидетелями Суда Света, право на который священно для каждого Чада Света. Свет осияет истину, и здесь Свет озарит справедливость. Пусть говорит только тот, у кого есть на то законное право, и пусть всякий, кто вздумает вмешаться, будет сражен без промедления. Здесь обретет под Светом правосудие тот, кто жизнью поклялся служить Свету, силой оружия и волей Света. Поединщики должны встретиться без оружия там, где я стою, — продолжал Тром, опустив руку с мечом, — и переговорить друг с другом с глазу на глаз. Да поможет им Свет найти верные слова, чтобы не довести дела до кровопролития, в ином же случае в этот день суждено умереть одному из Детей Света, его имя будет вычеркнуто из всех наших списков, а память о нем будет предана проклятию. И во имя Света, да будет так!

Тром отошел в сторону, и Валда двинулся на середину двора — он ступал так, словно двигался в боевой связке под названием «Кот пересекает двор замка», — очень вызывающая походка. Он знал, что не существует слов, способных остановить кровопролитие. Для него бой уже начался. Галад же просто зашагал навстречу своему противнику. Он был почти на голову выше Валды, но тот держался так, словно превосходил юношу во всем, даже в росте, и просто-таки излучал уверенность в своей победе.

На этот раз улыбка Валды была презрительной.

— Нечего сказать, мальчишка? Чему удивляться — ведь через минуту мастер клинка снесет тебе голову. Впрочем, перед тем, как убить тебя, хотелось бы мне вбить в нее одну вещь. Девка была жива и здорова, когда я ее видел в последний раз, а если теперь она мертва, то мне жаль. — Ухмылка его стала шире, пренебрежительная и насмеш-

ливая. — Эта лошадка была лучшей из всех, кого мне доводилось оседлывать, и надеюсь, что когда-нибудь опять на ней поезжу.

В душе Галада багровой волной вскипела слепящая, опаляющая ярость, но усилием воли он заставил себя повернуться к Валде спиной и отойти прочь, отправляя свой гнев в воображаемые язычки пламени, — как этому его научили два его наставника. Тот, кто сражается в гневе, в гневе же и погибает. Когда Галад подошел к Борнхальду, он уже достиг того состояния сознания, которое Гарет и Генри называли «единением». Паря в пустоте, Галад сомкнул пальцы на рукояти меча, который протянул ему Дэйн, и вытащил из ножен чуть искривленный клинок, тотчас же ставший частью его самого.

— Что он сказал? — спросил Дэйн. — У тебя на миг стало такое лицо, что мне почудилось, ты его прямо там убьешь.

Байар схватил Дэйна за руку.

— Не отвлекай его, — проворчал он.

Галада ничто не могло отвлечь. Его слух отчетливо и ясно различал все звуки: поскрипывание кожаных седел, звон подковы, стук копыт о каменные плиты. Он даже слышал жужжание мух в десяти шагах от себя, как будто они вились возле его головы. Ему даже показалось, что он уловил движение их крылышек. Он был един с мухами, с двором, с двумя мужчинами. Они были частью его, и его ничто и никто не могло отвлечь.

Стоявший на другой стороне двора Валда дождался, пока Галад повернется, и только потом обнажил меч — одним молниеносным движением. Клинок в его левой руке очертил в воздухе размытый серебристый круг, а затем, перескочив в правую руку, еще один и потом замер недвижно, острием вверх. Держа меч двумя руками перед собой, Валда двинулся вперед, и вновь — «Кот пересекает двор замка».

Подняв свой клинок, Галад шагнул ему навстречу, даже не задумываясь о том, как двигается, какую стойку принимает, — позиции и шаг определяло состояние, в котором пребывало его сознание. Его называли пустотой, и только наметанный глаз сумел бы определить, что Галад не просто идет. Только опытный глаз уловил бы, что каждое мгновение он сохраняет идеальное равновесие. Свой отмеченный эмблемой цапли клинок Валда получил отнюдь не благодаря фаворитизму. Его умение владеть оружием оценивали пять мастеров клинка и единогласно пожаловали ему это звание. Голосование всегда должно было быть единогласным. Существовал и другой способ получить подобный клинок — нужно убить его обладателя в честном поединке, один на один. Когда Валда удостоился меча с цаплей,